

ГЛАВА IX

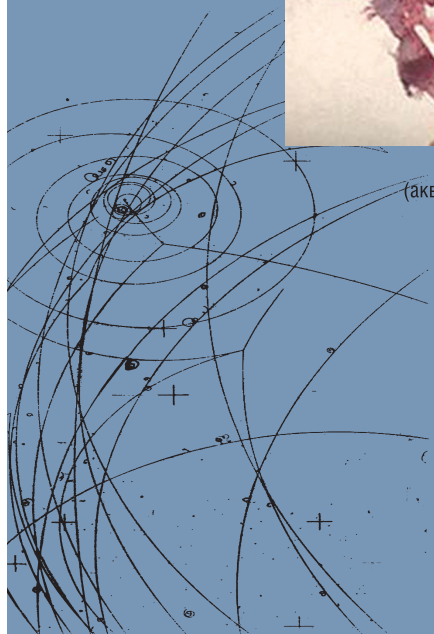
«ОЗА»

«Зоя»
(акварель А. Вознесенского, 1965 год)

*Помнишь, Зоя, —
в снега застеленную,
Помнишь Дубну?*

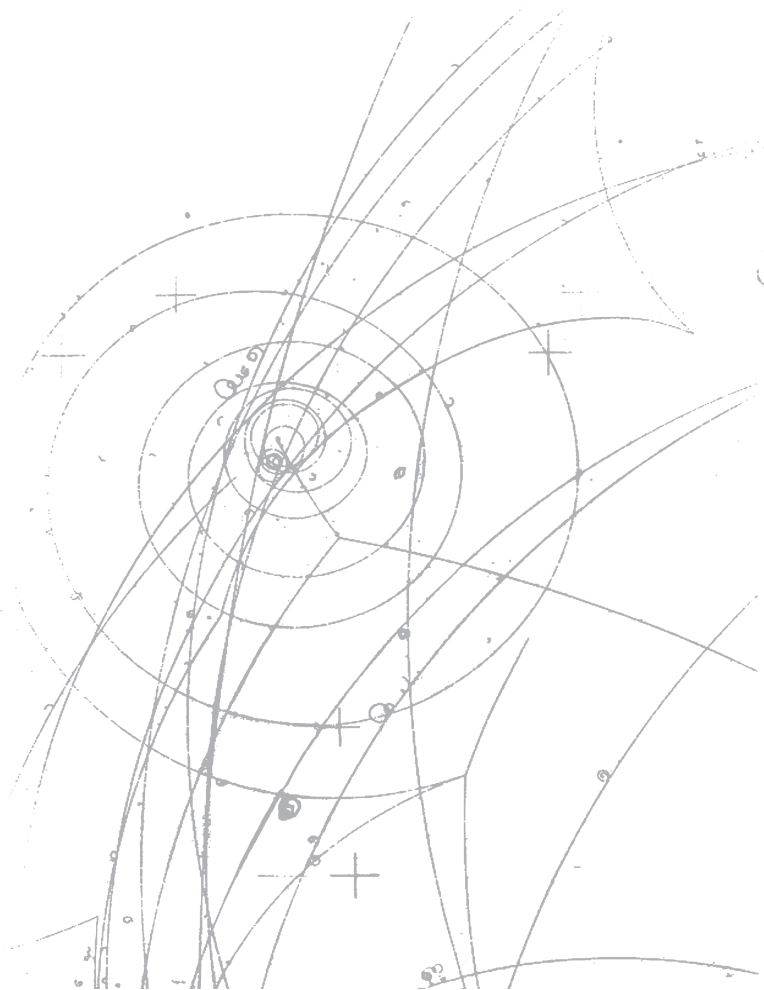
А. Вознесенский

Люблю я Дубну. Там мои друзья.
Берёзы там растут сквозь тротуары,
И так же независимы и талы
Чудесных обитателей глаза.

Цвет нации божественно оброс,
И, может, потому не дам я дуба, —
Мою судьбу оберегает Дубна,
Как берегу я свет её берёз.

А. Вознесенский

Выдающееся поэтическое произведение Андрея Вознесенского — поэма «Оза» — было им написано в 1964 году и мгновенно сделало его, как сейчас бы сказали, суперизвестным поэтом, особенно среди физиков. Про Дубну, которая является одновременно местом написания и героем произведения, и говорить не приходится. «Вы себе представить не можете, насколько огромный успех имела тогда его «Оза», как за ней просто гонялись все тогда и мечтали приобрести за любые деньги!» — говорили мне в один голос те дубненцы, которые застали тот ошеломительный успех поэмы. Да и сам поэт считал поэму «лучшей своей вещью в 60-е годы».

В Работе Нины Красновой о поэме написано следующее:

«"ОЗА" — ультрановая поэма по своему стилю, с совершенно новой для поэзии того времени научной терминологией и с совершенно новой лексикой, которая тогда не встречалась ни у кого в поэзии, с «циклотронами», с «комбинацией аминокислот», с «перископами», с «агрегатом ядреным» (ядерным), с «механическим соловейчиком», с «отоларингологом», с «олигархами», с «оффисами» и с совершенно новой образной системой, в которой лысые головы были ввёрнуты в чёрные костюмы, как лампочки в розетки, а «прозрачный нейлоновый бант» был «прикноплен» к затылку одной брюнетки, а ухо одного человека из толпы было «привинчено ко лбу», а «бутерброд с кетовой икрой» двигался по пищеводу, «как красный джемпер в лифте», а красный нос на круглом «белом лице» горел, как «болгарский перец» на тарелке, а люди находились в каком-то «идиотском измерении» и в «потолочно-зеркальной» реальности, в «наоборотной стране», а «белокурая» Оза-Зоя была, как «подарок в целлофане». Всё это подтверждает мысль о том, что Андрей Вознесенский был «бог... экспериментов», великий «экспериментаторщик».

Нина Краснова пишет:

«Тетрадь, найденная в тумбочке дубненской гостиницы» - такой подзаголовок к своей поэме «Оза» сделал А. Вознесенский, как если бы не А. Вознесенский сочинил её, а кто-то другой, какой-то безымянный гость Дубны, какой-нибудь «командировщик», который остановился в местной гостинице, сочинил поэму и записал её в тетрадку, а когда уезжал из города, забыл её в тумбочке, и теперь она оказалась в руках другого гостя Дубны — Андрея Вознесенского, и он опубликовал её, чтобы не пропала эта лиричнейшая поэма, в которой автор воспевает свой идеал женщины по имени Оза.

В разные годы в Дубну приезжали и выступали там на разных литературных вечерах разные известные поэты и литераторы... Но никто из них не оставлял в гостинице никакую тетрадку. В том числе и ту, о которой здесь идёт речь. И никто не сочинял за Вознесенского «Озу», как никто не сочинил за Лермонтова дневник Печорина «Герой нашего времени». Просто Вознесенский, как и Лермонтов, прибегнул к художественному приёму от самого себя в первом лице, чтобы откровенно, свободнее высказать в ней свои мысли и чувства, свои переживания. И чтобы глубже показать свою любовь к Даме своего сердца и своей мечты о её ответной любви к нему, поэт и спрятался за безымянного автора, за своего двойника-тёзку, и стал невидимым, и говорит якобы от его, а не от своего имени».

Другие критики утверждают, что в художественную основу поэмы Андрея Вознесенского «Оза» всё же лёг факт обнаружения дневника аспиранта (где-то даже называется фамилия Борисов), забытого в тумбочке дубненской гостиницы. Доктор культурологии, философ, искусствовед Анна Рылёва в своём реферате «Двадцать восемь» о поэме «Оза» пишет:

«Автор поэмы нашёл тетрадь в тумбочке... Эта ситуация немного проясняется в девятой части поэмы, из которой становится ясно, что в Дубне — друзья — цвет нации, берёзы сквозь асфальт. Дневник (тетрадь) был найден в гостинице, до автора его командировщики листали («острили на полях устало и засыпали, силясь разобрать»). Часть листов из дневника была выдрана, в нём же записаны какие-то лекции. Автор тоже внимательно читал дневник, делая пометки на полях: «Может, её называют Оза?» Или размышлял о циклотроне: «Все прогрессы — реакционны, если рушится человек». Дневник что-то смешал в душе автора, и он принял решение его напечатать, кроме того, думая, что: «и, может быть, нескладный и щемящий, придёт хозяин на твой зов щенячий». Важно ещё и то, что автор практически олицетворяет себя с автором дневника: «Я ничего в тебе не изменил, лишь только имя Зоя заменил». Получается интересная картина: автор практически не отделяет себя от автора дневника, лишь подставляя нужное имя. Ситуация текста в тексте».

Но действительно ли факт наличия дневника имел место в жизни Вознесенского, или же это всего лишь его авторский вымысел? С этим вопросом в нашей переписке я обратилась к *Зое Борисовне Богуславской*. Вот что она мне ответила:

«Никакой тумбочки не было. Это — художественный приём в поэме, чтобы приблизить к документальности. События с героиней «Озы» в целом соответствуют действительности (встреча в Петрозаводске: «Неумолимы зрачки её льдисты...»), однако сильно экзальтированы, написаны в состоянии безнадёжности и стресса, который в тот период был присущ душевному миру поэта».

Абсолютно всем с момента выхода в свет поэмы было понятно, что посвящена она Зое Богуславской. От перестановки

звуков в её имени Зоя (что в переводе с греческого означает «Жизнь») и появилась собственно фантастически-реально-нереальная О З А (значит ли это жизнь наоборот?..). Зоя в поэме превратилась в Музу поэта — Озу, в свою двойницу из зеркальной реальности. И осталась ею на всю жизнь. Поэт законспирировал имя своей героини и переделал его при помощи анаграммы, переставив в нём буквы и заменив «я» на «а».

Вновь обратимся к реферату А. Рылёвой за помощью:

«ОЗА — перевёртыш ЗОИ. Но странный. Если бы это был просто перевёртыш, было бы ОЗЯ. Но так, конечно, не звучит. Поэтому убираем J и оставляем А — ОЗА. Зоя в обыденной жизни, Оза — в поэзии. В поэме объясняется, откуда взялась Оза:

*Я знаю, что люди состоят из атомов,
Частиц, как радуги из светящихся пылинок
Или фразы из букв.
Стоит изменить порядок, и наш
Смысл меняется.
Говорили ей, - не ходи в зону!
А она...*

Напоминает Зону из «Пикника на обочине» («Сталкера») Стругацких. Кроме того, возникает ассоциация с мифологической страной ОЗ. Но ассоциации возникают и по созвучию или наличию ОЗ или ЗА в словах: озеро, боязнь, паровозы, возьму, боязно, поздно, зона, озноб, озон, роза, стервоза, метаморфоза, берёзы, сквозь, прозрачна, Заонежье, Предозье, Заозье, заморозки и, наконец, Вознесенский. Получается — вся поэма пронизана ОЗА, «свет сквозь неё струится...»

У Нины Красновой читаем:

«Андрей Вознесенский возносит свою возлюбленную Даму сердца, свою Озу-Зою, на недостижимую вы-

соту, и ставит в один ряд с Донной Анной и Беатриче, и дарит ей Бессмертье:

*Бессмертье — как зверинец меж людей,
В нём стонут Анна, Оза, Беатриче...»*

Прежде всего, конечно, «Оза» — это поэма о любви. Тема любви и женственности всегда была одной из главных тем поэзии Вознесенского. В этом смысле поэму «Оза» литературные критики считают вершиной его творчества. В одном интервью сам поэт говорил о своей поэме: “Это — дошедший до нас взрыв любви. Вот как звезда взрывается: её уже нет, а взрыв виден”».

Но в поэме идёт речь не только о взрыве любви, иначе бы было всё слишком просто, и Вознесенский не был бы гениальным поэтом. Он затронул ещё и тему взрыва ядерного, который может разрушить всё на Земле. Атомный взрыв способен убить его любимую, которая тоже состоит из атомов, вернее, из удивительного и прекрасного их сочетания. Своей поэмой-криком, поэмой-предостережением он говорит людям о том, что наша хрупкая и уязвимая планета нуждается в защите, как и каждый из нас. Он призывает людей беречь и любить друг друга. Иначе будет поздно. Его проникновенные мысли похожи на мысли каждого, кто любит. И поэтому понятны всем:

*Дай мне, Господи, крыльев
Не для славы красивой —
Чтобы только прикрыть её
От прицела трясины!*

Не рискну дальше самостоятельно проводить анализ этого сложного поэтического произведения, а предложу читателю вновь обратиться к роману Василия Аксёнова, который мне самой очень нравится за наличие в нём дружеского юмора и самоиронии (думаю, Андрей Андреевич не обиделся бы на меня за эти цитирования из романа Аксёнова):

«Антоша объявил во всеуслышание, что собирается написать большую поэму «Фоска». Это что такая за Фоска, зашумел народ, это на музыку Пуччини, что ли? «Нет! На мою собственную музыку! — заявил поэт. — Вот, слушайте!» И загудел губами и носом что-то совершенно несусветное, которое он ещё усугублял самоотбиваемыми ритмами, а то и новозеландскими танцами, большим знатоком которых он себя полагал.

*Софка! — ору я — Софка!
А может, тебя называют Фоска?*

Софка давно уже поняла, что Фоска — это она сама, только вывернутая наизнанку. Как это здорово — быть вывернутой наизнанку гениальным поэтом! Ладонями и локтями она отбивала вместе с ним его ритм. Округляя свои великолепные губы, гудела вместе с ним его несусветную музыку. И даже подтанцовывала в новозеландских прыжках и вращениях. Прыгала к фортепиано.

*Помнишь, Софья, в снега застеленную,
Помнишь Дубну, и ты играешь.
Поворачиваешься от клавиш.
И фигура твоя запела».*

...После такого отступления закончить эту главу хотелось бы серьёзно о Той, кому незабвенный Вознесенский посвятил свою великую поэму. Очень хорошо написала про Озу — Зою Богуславскую поэтесса Нина Краснова:

«Андрей Вознесенский назвал её когда-то судьбаба, судьба-баба, баба-судьба. Когда поэт выбирает женщину, он выбирает судьбу. Зоя — Муза и Ангел-хранитель Андрея Вознесенского, его спутница жизни, прекрасная писательница и великая женщина. Она прошла с

ним весь его путь до конца и продлила жизнь Андрея Вознесенского на много лет. И сейчас продлевает его жизнь. Увековечивая память о нём».

З.Б. Богуславская на могиле А. Вознесенского

**Отпевание Андрея Вознесенского
в церкви Святой Татьяны-Мученицы
Зое Богуславской**

*Свеча панихидная в церкви домово́й
была зажжена.
Священники там Олигарха стиха
в унисон отпевали,
На милости Божьей в молитвах
о нём уповали,
И плакала Зоя — его овдовевшая
Муза-Жена.
Небесные силы держали сочувственно
под руку Зою,
Сдували пылинки с неё и цветочную
с платья пыльцу.
Незримые слёзы текли и текли
у неё по лицу,
Слеза за слезою».*

Н.Краснова. 2010

Нина Краснова пишет:

«К Вознесенскому за всю жизнь не пристало, не прилипло никакой грязи. Чистота и какая-то целомудренная чувственность его строк о любви изумляла до самого его конца, а он писал «про это» до последнего. Сорок лет он прожил с Зоей Богуславской, красивой и мудрой женщиной, талантливой писательницей и неутомимой общественницей: ни разводов, ни скандалов.

Она была старше его в тот момент — замужем, с ребёнком. Он буквально преследовал её, во время её путешествия с сыном по Волго-Балту бомбардировал телеграммами, которые зачитывали через радиорубку на весь теплоход. Зоя (он называл её Оза и посвящал ей лучшие свои стихи) спокойно замечала: «У Андрея

были романы при мне, очень яркие влюблённости, но расставались мы за 40 лет только на полтора месяца».

Пережив множество романов с «судьбабами», именно он сложил стихи про миллион алых роз — он сам оказался в подобной ситуации, устлав для очередной «яркой влюблённости» пол в номере отеля... апельсинами. Он подарил ей неугасимо пылающий вечер в «Челси», четыре тысячи огнедышащих фруктов и свечи в номере на 10-м этаже: «Мы горим, милая, мы горим!»

За годы, проведённые вместе, им удалось сохранить доброе и трепетное отношение друг к другу. По сей день Зоя Борисовна так отзывается о супруге: «Он ослепительный человек: добрый, восхищённый, умеющий мчаться навстречу событиям. Это поэт, который пропускал через свои нервные клетки всё, что происходило с нами в последние четыре десятилетия».

В своём эссе «Я знаю, что мы повторимся...» (субъективный взгляд на жизнь и поэзию Андрея Вознесенского) *Эдуард Грачёв* пишет о Зое Борисовне следующее:

«Замечательно, что на его жизненном пути встрети­лась яркая, талантливая, целеустремлённая лич­ность, которой мы все должны быть безмерно бла­годарны за то, что она столь долго и старательно оберегала и хранила наше литературное достояние, ко­торым, несомненно, был (и будет) Андрей Андреевич Вознесенский!»

На гражданской панихиде по Андрею Вознесенскому в Большом зале ЦДЛ 4 июня 2010 года писатель *Виктор Ерофеев* назвал Зою Борисовну чудесным земным покрови­телем поэта:

«Ему повезло с Зоей, как никому. Она его муза, она его опора, она его телохранитель. Нам бы одну десятую,

одну сотую Зои Борисовны в нашей литературной жизни. У него была целая Зоя Борисовна...»

Библиограф Андрея Вознесенского Нина Краснова прислала для этой книги запись передачи из телецикла, который шёл на канале «Культура» в 2012 году. Ничего не изменяя, представляю читателю этот материал в следующей главе.

